

Е.А. Миклашевич

*Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия;
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;
Музей-заповедник «Томская Писаница», Кемерово, Россия*

НАСКАЛЬНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ГОРЫ ТУРАН НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ *

С горой Туран на правом берегу Енисея связан один из археологических микрорайонов Минусинской котловины, насыщенных памятниками разных типов и эпох. Затопление части его прибрежной территории Красноярским водохранилищем и почти полное отсутствие публикаций по исследовавшимся памятникам привели к недооценке значимости этого микрорайона в археологии Южной Сибири. Статья посвящена одному из типов памятников – изображениям на скалах, написана с целью ознакомить коллег с историей исследования писаниц Турана и представить его как комплекс местонахождений наскального искусства, достойный занять соответствующее место среди других крупных памятников Минусинской котловины. Известная по работам А.В. Адрианова 1904 г., Туранская писаница на береговых скалах утрачена, но, как оказалось, она – не единственное скопление наскальных рисунков, тамг и рунических надписей на Туране. Суммируя данные о работах разных лет, включая собственные полевые исследования, автор вводит в научный оборот ранее не публиковавшиеся архивные и новые материалы, приводит план локализации местонахождений, дает общую характеристику основных культурно-хронологических групп наскальных рисунков Турана. Публикация этих данных свидетельствует о высоком научном потенциале пока мало изученного района и призвана стимулировать интерес к его дальнейшему исследованию.

Ключевые слова: Минусинская котловина, наскальное искусство, руника, петроглифы, тамги, А.В. Адрианов, Туранская писаница.

DOI: 10.14258/tpai(2018)1(21).-03

Введение

Туран – один из тех крупных горных массивов, которые расположены на обоих берегах Енисея в его среднем течении и хорошо известны в археологии Южной Сибири благодаря большому количеству связанных с ними разновременных и разнотипных памятников. Он расположен на правом берегу Енисея (ныне Красноярского водохранилища) между его крупными притоками Тубой и Сыдой (рис. 1). Ниже по течению от Турана находится устье небольшой речки Биря. Напротив Турана, на левом берегу Енисея, расположена северная часть горного массива Оглахты, выше по течению на правом берегу возвышается Тепсей, а ниже – гора Унюк. Административно Туран находится в Краснотуранском районе Красноярского края, между селами Восточное и Лебяжье (до затопления водохранилища ориентирами были деревни Бузунова и Сорокина, а также Саргов улус на противоположном берегу).

В отличие от своих знаменитых «соседей» – Тепсея и Оглахты, – Туран не входит в число признанных комплексов наскального искусства, которыми так богата Минусинская котловина. Туранская писаница на береговых скалах, о существовании которой было известно по работам А.В. Адрианова [Адрианов, 1904, с. 30; Архив МАЭС ТГУ. Д. 55. Л. 50–57], исчезла еще до затопления водохранилища, и рисунки ее, кроме самого Адрианова, никто из исследователей больше не видел. Открытие петроглифов на других участках горы в 1977 г. Б.Н. Пяткиным и В.Ф. Капелько не было зафиксировано ни в одной публикации. Памятники археологии, связанные с этим горным мас-

* Работа выполнена в рамках госзадания Министерства образования и науки РФ №33.2597.2017/ПЧ.

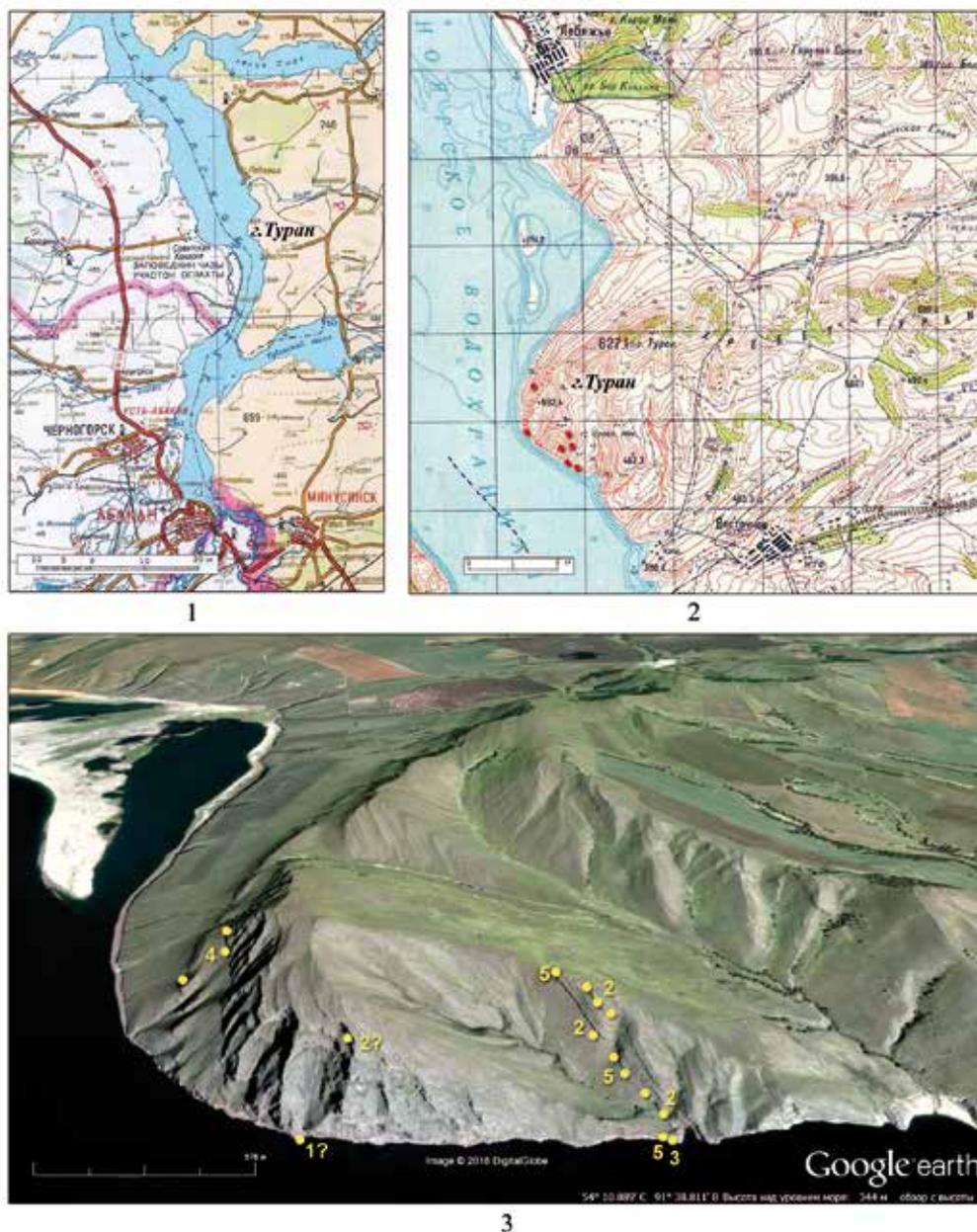

Рис. 1. Гора Туран: 1 – расположение на карте относительно городов Абакан и Минусинск; 2 – карта с указанием основных местонахождений наскальных рисунков; 3 – вид в аксонометрии на спутниковом снимке Google Earth с указанием основных местонахождений наскальных рисунков: 1 – Туранская писаница Адрианова (предположительно), 2 – петроглифы, обнаруженные Б.Н. Пяткиным и В.Ф. Капелько в 1977 г.; 3 – петроглифы, обнаруженные под водой в 1984 г.; 4 – петроглифы, обнаруженные А.С. Техтеревым и А.К. Слодейниковым в 2014 г.; 5 – петроглифы, обнаруженные автором и Л.Л. Бове в 2015–2016 гг.

сивом, вообще очень мало представлены в литературе. До сих пор остаются практически неопубликованными результаты раскопок курганов и сборов подъемного материала с размытых поселений. Больше «повезло» курганным рисункам, которые публиковались в ряде статей [Савинов, 1976, рис. 2–8; Пяткин, 1977, рис. 6, 7; Миклашевич и др., 2016, рис. 8, 9; Миклашевич, Бове, 2016, рис. 2], но и это совсем небольшая доля того богатства, которое представлено на плитах курганов туранских могильников. Наши архивные изыскания и полевые исследования показывают, что Туран – такой же интересный и насыщенный памятниками археологический микрорайон [Миклашевич, Бове, 2016], как и окружающие его Суханиха, Оглахты, Тепсей, Куныя, Уньюк, Бычиха, Бояры-Абакано-Перевоз и др. Несмотря на то что прибрежная часть этой территории почти полностью разрушена в результате затопления Красноярского водохранилища, в архивах и музеях сохранились коллекции и документы о проведенных здесь работах; остальная часть горного массива и прилегающие территории еще ждут своих исследователей.

Настоящая публикация посвящена обзору имеющихся данных об одном из типов археологических памятников горы Туран – рисункам на скалах.

Материалы и методы исследования

Данные по истории исследования памятников наскального искусства горы Туран получены нами в результате поиска и анализа архивных документов (из архивов Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета, Музея археологии, этнографии и экологии Сибири Кемеровского государственного университета, Финского общества антиквариев в библиотеке Национального комитета древностей в Хельсинки), музейных коллекций (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН) и опубликованной литературы. Для исследования самого публикуемого местонахождения применялись методы полевого обследования (разведка; выявление, фотофиксация и документирование обнаруженных плоскостей с наскальными изображениями) и картографирования.

Полученные результаты и их обсуждение

Первое упоминание об изобразительных памятниках Турана встречается в работе И.Т. Савенкова [1886, с. 69], который сам на этой горе не был, но привел сведения «лоцмана парохода», который «обнадеживал, что на Туране, на перевалах, можно найти камни с письменами». В этот же период сибирские ученые, помогавшие сведениями о памятниках руководителю финской экспедиции по изучению памятников рунической письменности в Сибири И.Р. Аспелину [Тишкин, 2000], сообщают ему в числе прочего, что «по дороге из Бузуновой в Абаканск на 7-й версте (это у северного подножия горы Туран. – *Е.М.*) с правой стороны дороги большой камень с изображением разных фигур»; «по той же дороге на 9-й версте, с левой стороны дороги лежит большая каменная плита с разными фигурами» (И.Т. Савенков, «Распросные сведения по археологии Минусинского округа» [SMY. Jenisei, Aspelin. Д. HI-1. Л. 72]), а также что «на горе Туран, между Бузуновой и Абаканском, находится плита с разными изображениями (Н.М. Мартынов, «сведения от священника Стефана Смирнова из с. Абаканского» [SMY. Jenisei, Aspelin. Д. HI-1. Л. 85]). Во всех этих случаях речь идет о рисунках (и, возможно, эпиграфике) не на скалах, а на плитах, по всей вероятности, курганных.

Первое исследование изображений на скалах Турана осуществлено было в 1904 г. А.В. Адриановым по заданию Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отно-

шениях. По всей вероятности, он обнаружил их раньше, в 1902 или 1903 гг., во время своих археологических экспедиций в Минусинском уезде. Знал Адрианов [1904, с. 25] и об изобилии рисунков на курганных плитах Турана и собирался их также обследовать в 1904 г., но на это времени ему не хватило. Рисунки же на береговых скалах были тщательно документированы – найдены, описаны, сфотографированы и скопированы методом эстампажа. А.В. Адрианов [1904, с. 30] отмечает, что «писаницы тянутся здесь на протяжении нескольких десятков саженей и состоят из 182 фигур выбитых (в числе фигур есть рыбы), 29 знаков, 37 руноподобных букв, разбитых на 2 группы, по 2 строки в каждой». Всего на памятнике было изготовлено 34 эстампажа (бумажных оттиска) и снято 6 фотографий [Архив МАЭС ТГУ. Д. 55. Л. 50]. В полевом дневнике зарисованы рунические знаки и многочисленные тамги [Архив МАЭС ТГУ. Д. 76/1. Л. 96–104]. Дневник экспедиции 1904 г. и отчет А.В. Адрианова «Писаницы Енисейской губернии» содержат детальные описания как всего местонахождения в целом, так и каждой грани и каждой фигуры.

Эта удивительно подробная и точная документация интереснейшего памятника наскального искусства и сам памятник имеют печальную судьбу. Перед затоплением Красноярского водохранилища, в водах которого предстояло навсегда скрыться многочисленным могильникам и поселениям у подножия горы, рисункам на курганных плитах и нижних ярусах береговых скал, поиски Туранской писаницы предпринял руководимый Я.А. Шером отряд Красноярской экспедиции ЛО ИА АН СССР. Ни в 1963, ни в 1966 г. отыскать ее им не удалось, поэтому было сделано предположение, что Туранская писаница разрушена карьером [Шер, 1980, с. 59]. В 1967 г. в поисках принял участие известный тюрколог С.Г. Кляшторный, так как наибольший интерес исследователей вызывали рунические надписи Турана, известные по зарисовкам в рукописи отчета А.В. Адрианова. Но и ему не удалось найти памятник, и он предположил, что Туранская писаница уничтожена камнепадом [Кляшторный, 1976, с. 69]. Вскоре после этого произошло наполнение водохранилища, и Туранская писаница (или то место, где она была) стала окончательно потерянной для науки. Если петроглифы на затопленных скалах в самой южной части водохранилища (Оглахты, Тепсей/Усть-Туба) еще иногда выходят из воды при снижении ее уровня и, следовательно, могут быть изучены на современном уровне, то надежды на обнаружение Туранской писаницы в таких условиях практически нет. Адрианов писал о том, что большинство скопированных им плоскостей находится у самой воды, низко, так что даже приходилось откапывать некоторые плоскости от ила и песка. До естественного уровня Енисея уровень водохранилища в районе Турана, находящегося более чем в 60 км от его верхней части, никогда не падает. Правда, грани с руникой и гравировками были расположены, как пишет Адрианов, «на значительной высоте». «Чтобы сделать эстампаж, а тем более фотографию, пришлось устанавливать в воду козлы и делать на них настил, так как утес в этом месте спускается в воду» [Архив МАЭС ТГУ. Д. 55. Л. 51]. Все же этой высоты недостаточно, чтобы надеяться когда-нибудь найти хотя бы остатки писаницы. Фотографии и эстампажи А.В. Адрианов отсылал в Петербург, в Русский комитет, на средства которого производились работы. После прекращения работы комитета в 1920-е гг. эти материалы поступили на хранение в Музей антропологии и этнографии (Кунсткамеру). К сожалению, среди сотен сохранившихся эстампажей со многих памятников нет эстампажей именно Туранской писаницы. Во всяком случае, пока они

нами не обнаружены. Зато в фондах МАЭ в 2013 г. была выявлена коллекция стеклонегативов А.В. Адрианова 1904 г. (сохранилось 108 шт.) со снимками писаниц и памятников рунической письменности. Среди них имеется 5 (!) фотографий Туранской писаницы (1 стеклонегатив утрачен). Это была необыкновенная удача, так как эти фотографии – сейчас единственные источники визуальной информации о петроглифах исчезнувшего памятника (рис. 2). Остается некоторая надежда найти и эстампажи, по которым было бы возможно с наибольшей точностью реконструировать изображения.

Изучение фотографий и описаний говорит о том, что на береговых скалах Турана некогда находилась одна из интереснейших писаниц Минусинской котловины. Здесь можно выделить петроглифы древнейшего пласта (крупные реалистичные фигуры лосей, быков-туров и других животных, а также рыб), тагарской культуры (силуэтные изображения оленей с подогнутыми ногами и контурные изображения копытных в позе внезапной остановки с завитками внутри контура), хунно-сяньбийского времени (всадники и антропоморфные фигуры с оружием, олени, козлы и другие животные), эпохи раннего средневековья (тонкие изящные гравировки бегущих оленей, коня, всадника и др.). Немало было и изображений нового времени, частично испортивших более древние рисунки.

А.В. Адрианов большое внимание уделил разнообразной технике нанесения рисунков Туранской писаницы. Он зафиксировал не только хорошо заметные выбитые фигуры и описал особенности и вариации их выбивки, случаи перекрывания фигур, но также отметил и те рисунки, которые были выполнены тонкой резьбой (судя по описаниям, их было множество) и нарисованы краской. Например, выполненную выбивкой крупную фигуру лося (фото см. в: [Miklashevich, 2016, ill. 7.-1] А.В. Адрианов описывает так: «...большой олень сделан контуром, а голова и шея – сплошной выемкой. Любопытная подробность – олень по контуру обведен красной краской, которой, кроме того, наведены полосы поперек его и вдоль» [МАЭС ТГУ. Д. 55. Л. 55].

По фотографиям, на которых сняты не отдельные фигуры, а целые группы многофигурных плоскостей, невозможно воспроизвести точные очертания фигур. Однако нам удалось это сделать по тому снимку, на котором довольно крупно запечатлены рунические надписи и гравированные изображения бегущих оленей (рис. 2.-1 и 3.-1). К сожалению, на снимке представлена только правая часть композиции, которую А.В. Адрианов описывает следующим образом: «Непосредственно ниже рун ... тончайшими штрихами и не без изящества награвированы – слева конь, затем еще конь со всадником, впереди превосходно расписанный олень и правее его еще три оленя один за другим, и перед самым крайним справа начерчен знак» [МАЭС ТГУ. Д. 55. Л. 51]. Левая часть, на которой были изображены конь и конь со всадником, была снята на другую стеклянную пластинку (МАЭ, колл. №2415/104), которая, видимо, разбилась при хранении. Возможно, когда-нибудь удастся найти отпечаток с этого негатива и воспроизвести совершенно уникальную для Минусинской котловины композицию полностью.

Отдельного упоминания заслуживают рунические надписи и тамги. Поскольку и те, и другие были зарисованы А.В. Адриановым в отчете [МАЭС ТГУ. Д. 55], с которым могли знакомиться исследователи, именно они (и только они) были введены в научный оборот [Кызласов Л.Р., 1965; Кляшторный С.Г., 1976; Кызласов И.Л., 1994; 2007; и др.] и «представляли» Туранскую писаницу. В работах С.Г. Кляшторного и (вслед за ним) других тюркологов приводилась одна надпись из двух строк.

И.Л. Кызласов опубликовал и три другие строки и, проанализировав их, пришел к выводу, что это пять отдельных разных надписей; а с учетом того, что после А.В. Адрианова на Туране была обнаружена еще одна надпись на скале и две на курганных камнях, этот район предстает местом крупного скопления рунического письма, свидетельствующего «о религиозном поклонении горе Туран» [Кызласов И.Л., 2007, с. 112]. Добавим к этому еще две надписи, обнаруженные Б.Н. Пяткиным, и одну нами – на камнях других курганов могильника во внутренней части Турана. И.Л. Кызласов, испытывая понятные трудности при интерпретации отдельных знаков надписей по зарисовкам, выражал надежду: «Быть может, когда-нибудь отыщутся сделанные исследователем эстампажи и фотографии Туранской писаницы и ее камнеписных текстов» [Кызласов И.Л., 2007, с. 106]. К счастью, одна фотография с тремя надписями отыскалась. Мы приводим здесь ее (рис. 2.-1), сделанную по ней прорисовку (рис. 3.-1) и зарисовки надписей из дневника и отчета А.В. Адрианова (рис. 3.-2). Сравнение источников лишний раз свидетельствует о том, насколько точно Александр Васильевич распознавал знаки на камнях и передавал их при зарисовке. Расхождение наблюдается только в трех случаях.

Большое количество тамг – особенность Туранской писаницы. Они не все копировались на эстампажи, но все были зарисованы А.В. Адриановым в дневнике. Этот источник также уже был предметом изучения и публикации [Кызласов Л.Р., 1965]. Однако мы сочли необходимым привести туранские тамги в этой статье еще раз, так как в статье Л.Р. Кызласова [1965, рис. 3, 7, 8] они публиковались в типологических таблицах вместе с тамгами других памятников, в качестве характерных образцов. На наш взгляд, при анализе тамг крайне важно учитывать их взаимовстречаемость и ассоциации с фигуративными изображениями (контекст). И если вторая возможность потеряна с утратой памятника и копий с него, то проследить, какими группами какие тамги изображались, вполне возможно по зарисовкам А.В. Адрианова в полевом дневнике (рис. 3.-3). И, конечно, трудно переоценить значение фотографий как источника. Так, например, в типологических таблицах Л.Р. Кызласова представлена одна из туранских тамг в виде развернутой вверх дуги с крестом в центре и двумя г-образными развернутыми в разные стороны линиями под ней [Кызласов Л.Р., 1965, рис. 7.-24]. По зарисовке же в дневнике (рис. 3.-3) и особенно по фотографии (рис. 2.-2) отчетливо видно, что это две отдельные тамги (известные, кстати, и по другим памятникам).

Следующее исследование рисунков на скалах горы Туран было предпринято участниками Хакасского отряда археологической экспедиции Кемеровского государственного университета Б.Н. Пяткиным и В.Ф. Капелько в 1977 г. Основной задачей отряда было копирование рисунков на плитах курганов огромного могильника во внутренней части горы, начало исследованию которых было положено Д.Г. Савиновым [1976] еще в 1963–1964 г. Но, разумеется, такие энтузиасты наскального искусства, как Пяткин и Капелько, не могли не обследовать окружающие могильник склоны с ярусами скальных выходов и не сделать попытки поискать легендарную Туранскую писаницу. Поиски увенчались удачей: было обнаружено около сорока плоскостей на верхних ярусах береговых склонов (предположительно над тем местом, где на нижних ярусах была Туранская писаница) и на нескольких ярусах склона, расположенного к западу от большого могильника во внутренней части горы (см. рис. 1.-3(2)). Документирование осуществлялось способами (рис. 4), которые сейчас нам кажутся довольно странными

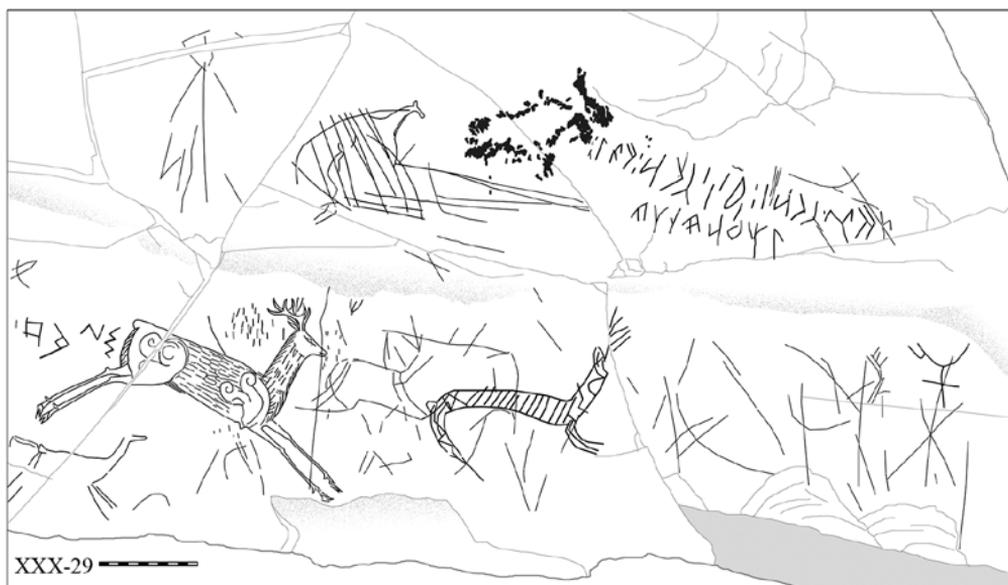

1

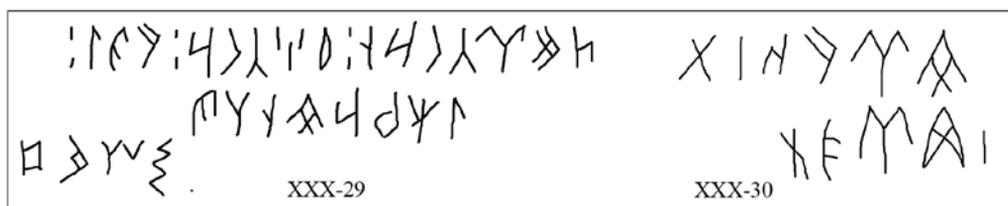

2

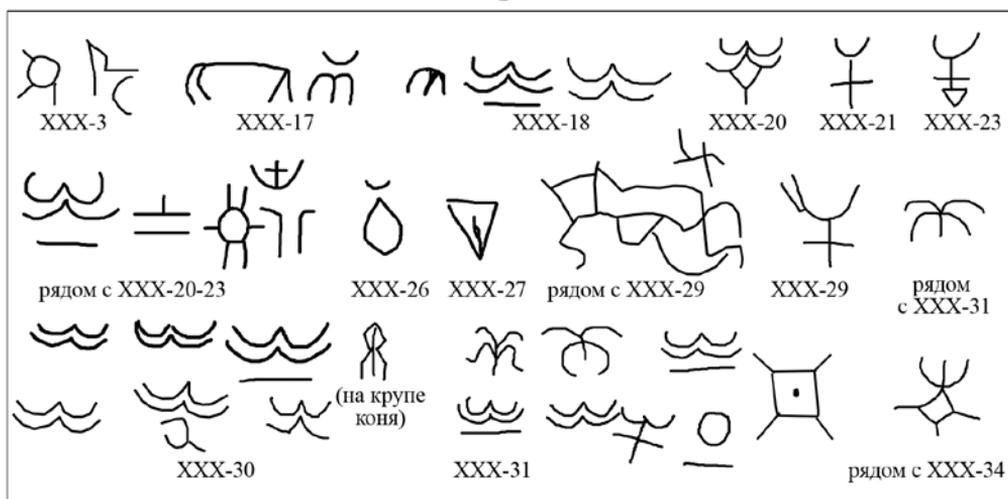
Рис. 2. Петроглифы Туранской писаницы на фотографиях А.В. Адрианова 1904 г.
(МАЭ РАН. Колл. №2415/103, 105)

1

2

3

Рис. 3. Туранская писаница: 1 – прорисовка гравированных рисунков и руники по фотографии А.В. Адрианова (масштаб установлен по описанию размеров руники); 2, 3 – рунические надписи, тамги и другие знаки, зарисованные А.В. Адриановым. Обозначены шифры эстампажей (МАЭС ТГУ. Д. 55. Л. 50–57; Д. 76/1. Л. 96–104)

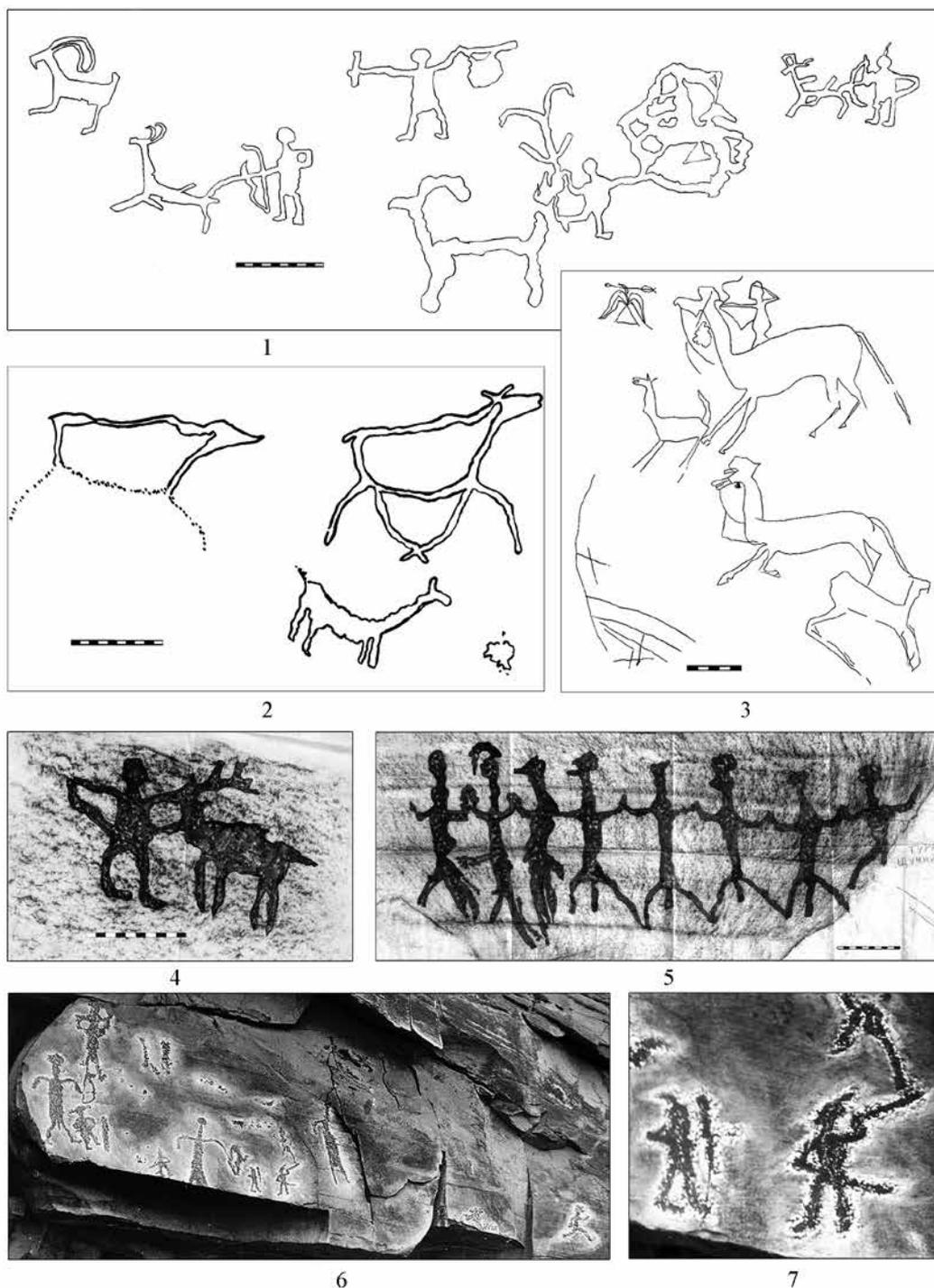

Рис. 4. Прорисовки, копии на кальке и фотографии петроглифов, обнаруженных на горе Туран Б.Н. Пяткиным и В.Ф. Капелько в 1977 г. (из архива автора)

(натирка графитом на папиросную бумагу с заливкой фигур тушью; выявление выбивки на скале с помощью мела) и уж точно менее объективными, чем те, которые применял А.В. Адрианов. Но надо учесть, что оба известных впоследствии исследователя наскального искусства в тот год были еще в самом начале своего пути в этой сфере, они только начали отработку метода микалентного копирования на Шалаболинской писанице и активно экспериментировали с разными приемами копирования и фотографирования. Тем не менее, на Туране они смогли не только отыскать и скопировать выбитые петроглифы, но и выявить целую серию тончайших гравировок и, что еще более удивительно, практически невидимых изображений, выполненных способом шлифовки («полировки», как подписано на копиях). Описания, зарисовки и планы расположения плоскостей в полевом дневнике экспедиции [МАЭЭС КемГУ. Д. 7806] позволили нам найти часть из них при обследовании склонов внутреннего лога Турана в 2015–2016 гг. По каким-то причинам ни Б.Н. Пяткин, ни (насколько нам известно) В.Ф. Капелько не продолжили исследование найденных местонахождений (хотя работы на Туранском могильнике продолжались до 1985 г.) и не зафиксировали свои открытия в каких-либо публикациях. Копии и фотографии 1977 г. достались автору по наследству от Б.Н. Пяткина, здесь впервые публикуются некоторые из них (рис. 4). По этим материалам, даже несмотря на неточности документирования, можно определить, что петроглифы относятся к нескольким периодам: изображения древнейшего пласта (лоси в ангарском стиле), хунно-сяньбийское время (многочисленные антропоморфные фигуры, с оружием и без, в группах и поодиночке, некоторые перевернуты вниз головой), таштыкская культура (гравированные изображения коней с султанами, всадников с луками, бегущих оленей и других животных, пронзенной стрелой птицы и др.).

Туранская писаница Адрианова все же не давала покоя Б.Н. Пяткину: он решил искать ее под водой и привлечь для этого аквалангистов. Особенно укрепилось это желание после того, как рыбаки из с. Восточное рассказали, что видели рисунки на скале у берега зимой, когда уровень воды в водохранилище падал, и даже показали место. В 1984 г. к экспедиции археологов присоединились члены спортивно-технических клубов аквалангистов «Наяда» из КемГУ и «СКАТ» из Томского университета. Под водой они нашли две плоскости с петроглифами! Хотя это оказались не те рисунки, которые копировал Адрианов, все же это была большая удача. В 1985 г. работы продолжали уже только томичи, причем с более подходящим оборудованием. Им удалось сфотографировать небольшими фрагментами под водой одну из найденных плоскостей (другую во второй раз не нашли) и затем сделать прорисовку всей композиции (рис. 6). Они также смогли осмотреть состояние скал под водой (уровень воды был 17 м) и сообщили, что самый нижний ярус совершенно завален обрушившимися плитами [Архив МАЭЭС КемГУ. Д. 883]. Таким образом, было обнаружено еще одно скопление петроглифов на береговых скалах (см. рис. 1.-3 (3)). Добавим, что через 30 лет мы с лодки нашли в этом же месте еще одну плоскость весной в период спада воды (рис 1.-3 (5)).

Так получилось, что на Туран после участия в работе экспедиции Б.Н. Пяткина нам удалось снова приехать лишь в 2014 г. И опять главной целью были рисунки на курганных плитах, а не на скалах. Тем не менее участники экспедиции А.К. Солодейников и А.С. Тыхтерев по собственной инициативе провели разведочное обследо-

Рис. 5. Прорисовка одной из обнаруженных в 1977 г. плоскостей
(выполнена автором статьи по фотографиям 2016 г.)

дование крутых северных склонов Турана со стороны с. Лебяжьего. Здесь ими было найдено еще одно скопление наскальных изображений (см. рис. 1-3 (4)), также отличающееся большим количеством тамг (рис. 7). Фигуративные изображения представлены образами коней, верблюда, всадников, неопределенных животных, людей в одеждах, с оружием и другими атрибутами. Многие из них представляют достаточно хорошо уже атрибутируемый пласт хунно-сяньбийского времени (тесинский?). Однако есть и фигуры, выполненные в незнакомой нам манере. Несомненно, этот участок весьма перспективен для исследования.

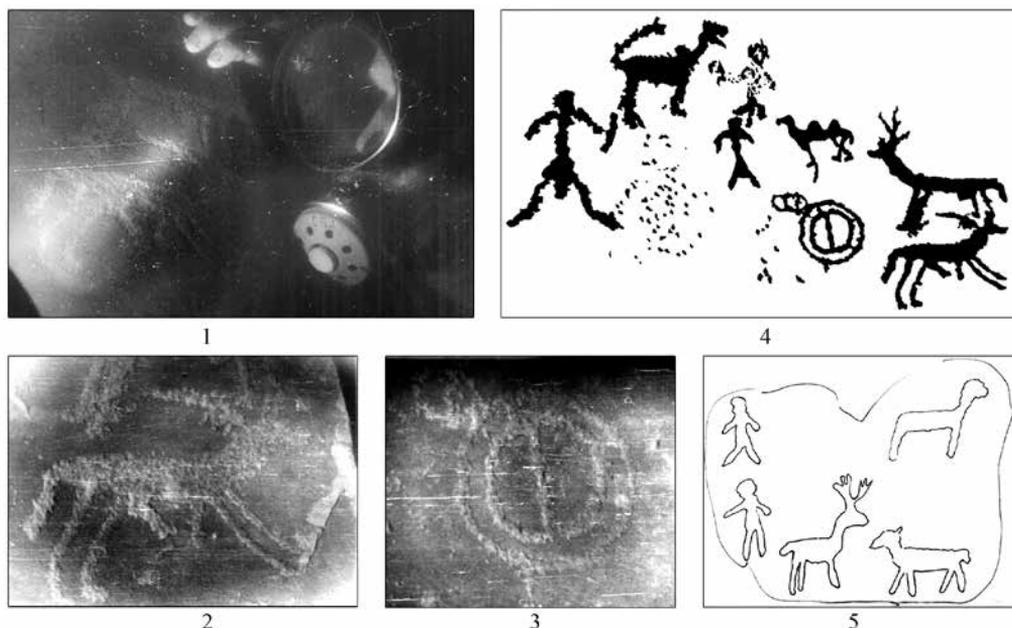
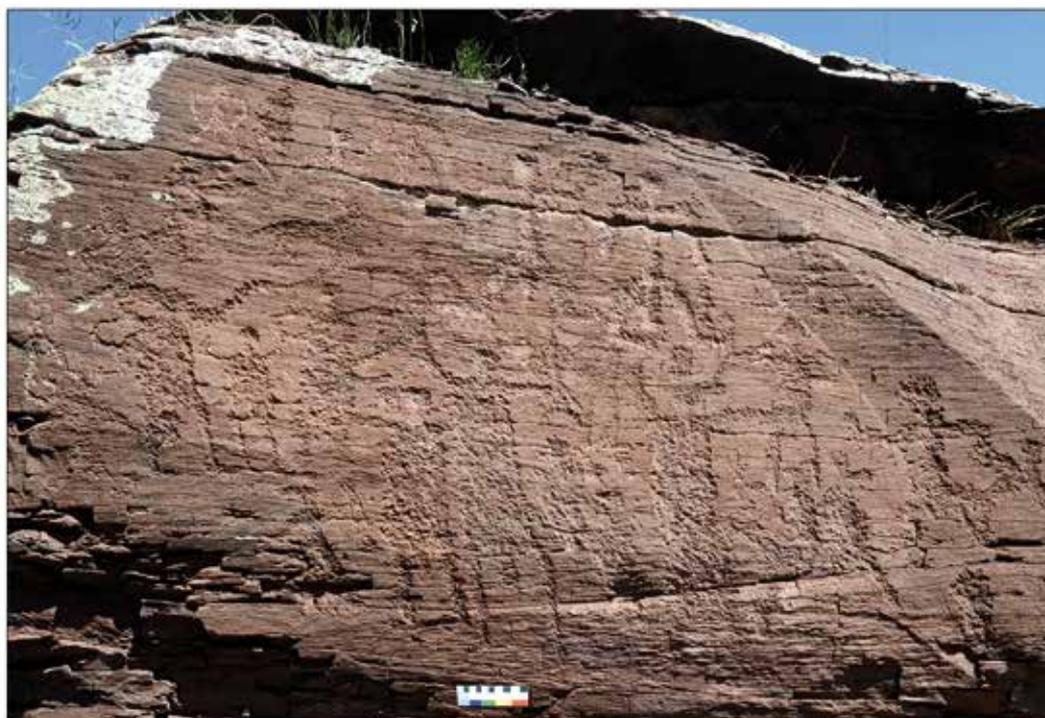

Рис. 6. Подводные исследования 1984–1985 гг.: 1–3 – фотографии, сделанные под водой, фрагменты одной из выявленных плоскостей; 4 – прорисовка этой плоскости, выполненная аквалангистами по фотографиям; 5 – зарисовка второй выявленной плоскости

Рис. 7. Изображения и тамги на северном склоне горы Туран, обнаруженные А.С. Тихтеревым и А.К. Солодейниковым в 2014 г. (фотоснимки А.С. Солодейникова)

1

2

3

4

Рис. 8. Петроглифы, зафиксированные на склонах внутреннего лога горы Туран в 2015–2016 гг. (фотоснимки Л.Л. Бове)

В 2015 и 2016 гг. нами совместно с Л.Л. Бове было предпринято обследование разных участков территории, связанной с горой Туран. Мы начали составление археологической карты комплекса [Миклашевич и др., 2015; Миклашевич, Бове, 2016], нанося на нее данные по могильникам, поселениям, курганным плитам с рисунками, местонахождениям наскального искусства и т.д. К этому времени был уже собран значительный архивный материал по работам прошлых лет, и в периоды весеннего снижения уровня воды удалось локализовать на местности многие памятники у подножия горы. В числе прочего мы занимались поиском выявленных нашими предшественниками наскальных изображений и осмотром других участков со скальными выходами. Пока удалось полностью обследовать только западные склоны горной гряды, расположенной к востоку от фронта береговых скал (см. рис. 1.-3 (5)). Здесь были найдены и документированы по современным технологиям открытые в 1977 г. плоскости (ср., напр., рис. 4.-1 и рис. 5), а кроме них обнаружено еще более десятка других плоскостей, среди которых есть очень интересные многофигурные композиции (рис. 8.-1). Большая часть петроглифов этих участков относится к хунно-сяньбийскому и более поздним периодам и представляет собой сцены с участием антропоморфных персонажей – лучников, всадников, шаманов, воинов с разнообразными атрибутами и т.д. И здесь тоже встречается много тамг (рис. 8.-3). Большой интерес представляют собой едва заметные изображения животных, выполненные прошлифовкой. Их датировка пока совершенно не ясна.

Заключение

Таким образом, результаты наших архивных изысканий и полевых исследований убеждают в том, что гора Туран была и остается (даже после утраты Туранской писаницы на береговых скалах) крупным комплексом наскального искусства, очень перспективным для исследования и нуждающимся в полном документировании. Как и на всех других горах по берегам Красноярского водохранилища, здесь погибли изображения на нижнем ярусе береговых скал. Однако немало изображений сохранилось на более высоких ярусах, а также на скальных выходах во внутренних логах. Эти труднодоступные и удаленные участки не были столь популярны у исследователей и путешественников, как скалы вдоль берега и дорог, и потому во многих случаях остаются малоизвестными или неизвестными совсем. На Туране много таких «трудных» участков, обследовать которые еще только предстоит. Кто знает, какие открытия ждут нас там? Отметим также, что особые возможности для атрибуции изображений на скалах этого микрорайона предоставляет огромное количество изображений на курганных плитах могильников (которые, в свою очередь, тоже ждут внимательного и вдумчивого исследования).

Благодарности

Автор выражает глубокую благодарность руководству Музея антропологии и этнографии РАН им. Петра Великого (Кунсткамера), Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета, Музея археологии, этнографии и экологии Сибири Кемеровского государственного университета за содействие в работе с архивными материалами, а также Л.Л. Бове, А.К. Солодейникову и А.С. Тихтереву за помощь в проведении полевых исследований и А.Е. Рогожинскому за консультации по тамгам.

Библиографический список

- Адрианов А.В. Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. командированным Комитетом А.В. Адриановым // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. №4. СПб. : РКИСВА, 1904. С. 25–33.
- Кляшторный С.Г. Руническая эпиграфика Южной Сибири (наскальные надписи Тепсея и Турана) // Советская тюркология. 1976. №1. С. 66–70.
- Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М. : Восточная литература, 1994. 327 с.
- Кызласов И.Л. Рунические надписи горы Туран на Среднем Енисее // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Вып. 5. Горно-Алтайск : АКИН, 2007. С. 106–114.
- Кызласов Л.Р. О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология. 1965. №3. С. 38–49.
- Миклашевич Е.А., Бове Л.Л. Исследование археологических комплексов у горы Бычиха и горы Туран на Среднем Енисее // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXII. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 333–338.
- Миклашевич Е.А., Мухарева А.Н., Бове Л.Л. Исследования петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская Писаница» в 2015 году // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2016. Вып. 3. С. 30–48, 86–89.
- Пяткин Б.Н. Некоторые вопросы датировки петроглифов Южной Сибири // Археология Южной Сибири. Известия кафедры археологии. Вып. 9. Кемерово : КемГУ, 1977. С. 60–67.
- Савенков И.Т. К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества. №3–4. Т. XVII. Иркутск : ВСОРГО, 1886. С. 26–106.
- Савинов Д.Г. К вопросу о хронологии и семантике изображений на плитах оград тагарских курганов (по материалам могильников у горы Туран) // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово : КемГУ, 1976. С. 57–72.
- Тишкин А.А. И.Р. Аспелин – исследователь древностей Сибири (краткий библиографический очерк) // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 66–71.
- Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М. : Наука, 1980. 328 с.
- Miklashevich E.A. Rock Art Research in Siberia 2005–2014 // Rock Art Studies: NEWS of the World V. Oxford : Archaeopress Publishing, 2016. P. 127–150.

References

- Adrianov A.V. Predvaritel'nye svedenija o sobiranii pisanic v Minusinskom krae letom 1904 goda komandirovannym Komitetom A.V. Adrianovym. Izvestija Russkogo Komiteta dlja izuchenija Srednej i Vostochnoj Azii [Preliminary Information on the Collection of Rock Art in the Minusinsk Territory in the Summer of 1904 by A.V. Adrianov, Sent by Committee. News of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia]. №4. St Petersburg : RCISVA, 1904. Pp. 25–33.
- Kljashornyj S.G. Runicheskaja epigrafika Juzhnoj Sibiri (naskal'nye nadpisi Tepseja i Turana). [Runic Epigraphy of Southern Siberia (rock inscriptions of Tepsei and Turan)]. Sovetskaja tjurkologija [Soviet Turcology]. 1976. №1. Pp. 66–70.
- Kyzlasov I.L. Runicheskie pis'mennosti evrazijskih stepei [Runic Writing of the Eurasian Steppes]. M. : Vostochnaya literatura, 1994. 327 p.
- Kyzlasov I.L. Runicheskie nadpisi gory Turan na Srednem Enisee [Runic Inscriptions of the Mount Turan in the Middle Yenisei]. Izuchenie istoriko-kul'turnogo nasledija narodov Juzhnoj Sibiri [Studying the Historical and Cultural Heritage of the Peoples of Southern Siberia]. V. 5. Gorno-Altajsk : AKIN, 2007. Pp. 106–114.
- Kyzlasov L.R. O datirovke pamjatnikov enisejskoj pis'mennosti. [On the Dating of the Sites of the Yenisei Writing]. Sovetskaja arheologija [Soviet Archaeology]. 1965. №3. Pp. 38–49.
- Miklashevich E.A., Bove L.L. Issledovanie arheologicheskikh kompleksov u gory Bychiha i gory Turan na Srednem Enisee [Investigation of Archaeological Complexes near the Bychikha Mountain and the Turan Mountain in the Middle Yenisei]. Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh

territorij [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. T. XXII. Novosibirsk : IAET SO RAN, 2016. Pp. 333–338.

Miklashevich E.A., Mukhareva A.N., Bove L.L. Issledovanija petroglificheskoj ekspedicii muzeja-zapovednika «Tomskaja Pisanica» v 2015 godu [Studies of the Petroglyphic Expedition of the “Tomskaya Rock Art” Museum-Reserve in 2015]. Uchenye zapiski muzeja-zapovednika «Tomskaja Pisanica» [Scientific Notes of the Museum-Reserve “Tomskaya Rock Art”]. 2016. Vol. 3. 2016. V. 3. Pp. 30–48, 86–89.

Pjatkin B.N. Nekotorye voprosy datirovki petroglifov Juzhnoj Sibiri [Some Issues of Petroglyphs Dating of Southern Siberia]. Arheologija Juzhnoj Sibiri. Izvestija kafedry arheologii [Archeology of Southern Siberia. News of the Department of Archaeology]. V. 9. Kemerovo : KemGU, 1977. Pp. 60–67.

Savenkov I.T. K razvedochnym materialam po arheologii srednego techenija Eniseja [To Exploratory Materials on the Archaeology of the Middle Reaches of the Yenisei]. Izvestija Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obcshestva. №3–4 [Izvestiya of the East Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Vol. XVII. Irkutsk : ESORGO, 1886. Pp. 26–106.

Savinov D.G. K voprosu o hronologii i semantike izobrazhenij na plitah ograd tagarskih kurganov (po materialam mogil'nikov u gory Turan) [To the Issue of the Chronology and Semantics of Images on the Slabs of the Fences of the Tagar Burials (based on the burial grounds at the Mount Turan)]. Juzhnaja Sibir' v skifo-sarmatskuju jepohu [Southern Siberia in the Scythian-Sarmatian Epoch]. Kemerovo : KemGU, 1976. Pp. 57–72.

Tishkin A.A. I.R. Aspelin – issledovatel' drevnostej Sibiri (kratkij biobibliograficheskij ocherk) [Aspelin – a Researcher of the Antiquities of Siberia (a Brief Biobibliographic Essay)]. Aktual'nye voprosy istorii Sibiri [Actual Questions of the History of Siberia]. Barnaul : AltGU, 2000. Pp. 66–71.

Sher Ja.A. Petroglify Srednej i Central'noj Azii [Petroglyphs of Middle and Central Asia]. M. : Nauka, 1980. 328 p.

Miklashevich E.A. Rock Art Research in Siberia 2005–2014. Rock Art Studies: NEWS of the World V. Oxford : Archaeopress Publishing, 2016. Pp. 127–150.

E.A. Miklashevich

*Kemerovo State University, Kemerovo, Russia;
Institute for Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia;
“Tomskaya Pisanitsa” Museum-Reserve Kemerovo, Russia*

ROCK ART OF THE TURAN MOUNTAIN AT THE MIDDLE YENISEY

The Turan Mountain on the right bank of the Yenisei River is associated with one of the archaeological micro regions of the Minusinsk Basin, which are so rich in the sites of different types and periods. The flooding of a coastal part of its territory by the Krasnoyarsk reservoir and lack of publications on the sites investigated led to an underestimation of the importance of this area for the archaeology of South Siberia. The paper is devoted to one of the archaeological site types – rock art. It is written to introduce the history of the study of Turan petroglyphs and to present them as a complex of rock art sites, which deserves to take its place among the other major complexes of the Minusinsk Basin. Known since A.V. Andrianov's work in 1904, “Turanskaya Pisanitsa” (Russian for “Turan rock art”) on the coastal cliffs had been lost, but as it turned out, it was not the only concentration of images, *tamgas* and runic inscriptions on the rocks of Turan. Summing up the data of investigations from different periods, including her own field research, the author introduces some hitherto unpublished archival documents and new materials into scientific circulation, presents the map of rock art locations and gives a general characteristic to the main cultural and chronological groups of the Turan rock art imagery. The publication of these data testifies the high research potential of this yet little-studied area and is intended to stimulate interest to its further investigations.

Key words: Minusinsk basin, petroglyphs, runic inscriptions, *tamgas*, A.V. Andrianov, Turan rock art sites.